

Обед подходил к концу. Чжао Лои отложил палочки и, устремив на Чай Цзиня ледяной взгляд, негромко спросил:

— Ну что, надумал?

Все шестеро гостей с самого начала чувствовали себя как на иголках, но под тяжёлым взглядом Чжао Лои никто не смел шевельнуться. Они послушно опустили палочки. Одному лишь Чжу Тяню было не до еды — из-за разбитого рта он даже не прикоснулся к изысканным яствам, лишь тоскливо разглядывал ломящийся от угощений стол.

Пятеро заговорщиков выжидающе уставились на Книжника. Тот, сохранив изящество манер, неторопливо произнёс:

— В таком случае, господин Чжао, не сочтите за труд проследовать с нами.

— Учитель, их тут целая орава, а зовут тебя одного, — Ли Мэн как раз управился с куриной ножкой и теперь с аппетитом обгрызал кость. — Не боишься, что это ловушка?

— Малец, прикусил бы ты язык, — нахмурилась сидевшая за столом женщина. Она едва сдержалась, чтобы не выставить наглого мальчишку за дверь. Впрочем, как и у остальных её спутников, по её лицу пробежала тень беспокойства. Все они то и дело опасливо косились на Чжао Лои.

Похоже, они и впрямь вознамерились выманить его одного, без подмоги, чтобы с глазу на глаз свести его со своим вожаком — предводителем тех бунтовщиков, что вознамерились покинуть Башню Десяти Направлений.

— Идём, — Чжао Лои поднялся. Он выколотил пепел из давно погасшей трубки прямо на пол и заткнул иссиня-чёрный мундштук за пояс. Потрепав Ли Мэна по вихрастой макушке, он добавил: — Табак недурён. А вот еду бросать негоже — грех переводить продукты. Соберите остатки с собой и не забудьте расплатиться.

На его обычно суровом лице промелькнула едва заметная хищная усмешка.

Мальчик на мгновение задумался, но этого никто не заметил. Шестеро заговорщиков плотным кольцом обступили Чжао Лои и повели к выходу; до Ли Мэна и притихшего Цюй Линьхана им не было никакого дела.

Для них дети попросту не существовали — главная цель была достигнута, а возиться с мелюзгой никто не собирався. Он тоже не стал задерживать учеников, и конвоиры с молчаливого согласия оттеснили мальчишек в сторону, отрезая от учителя.

Выглянув в окно, Ли Мэн увидел у входа два двухконных экипажа. В голове у него тут же

вспыхнуло воспоминание: когда Чай Цзинь только входил в трактир, он бросил быстрый взгляд на соседнее здание и сделал едва заметный знак рукой.

— Дело дрянь, — прошептал Ли Мэн, наполовину высунувшись из окна. — Беги отсюда. Отыщи шишу и передай, что всё пошло наперекосяк. Учителя уводят.

Они находились на втором этаже, не так уж и высоко. Пятак перед «Обителью у источника» украшали две каменные статуи зазывал в приветственном поклоне — отличная опора для прыжка.

Цюй Линьхань испуганно вцепился в его рукав:

— Да где я их искать-то буду?! Разве они сами обо всём не позаботились? Не глупи, учитель велел нам возвращаться!

— Нельзя возвращаться! — взмолился Ли Мэн, покрываясь испариной от напряжения. Внизу Чай Цзинь со своими людьми ещё только подходил к экипажам. — Учитель хотел, чтобы они приняли решение на месте и вернулись с ним в Башню к дедушке! Если я ничего не путаю, трое шишу уже стянули людей к Двору северного спокойствия и засели в засаде по углам. Беги к самой высокой башне! Туда ведёт лишь одна дорога, а перед ней — просторный двор. Они точно прячутся там, в тени. Как прибежишь, встань посреди двора и ори во всё горло, что на учителя напали и Чай Цзинь увёз его!

Ли Мэн резко вырвал руку из хватки Цюй Линьханя, перемахнул через подоконник и прыгнул вниз.

У Цюй Линьханя от такой прыти перехватило дыхание. Он и подумать не мог, что его приятель решится на такое безумство.

Внизу у обочины переминались с ноги на ногу кони, запряжённые в повозки. Почуввав чужака, одна из лошадей беспокойно всхрапнула и ударила копытом о землю.

Ли Мэн сгруппировался, прикрыл голову руками и бесшумно юркнул под днище первого экипажа.

Лошади над его головой шумно фыркали. Немного примерившись, он залез глубже, упёрся ногами в выступы деревянной рамы и мёртвой хваткой вцепился руками в поперечные балки подвески.

Лишь со второй попытки ему удалось устроиться надёжно.

Прямо перед его лицом замелькали сапоги. В полумраке было трудно что-то разобрать, к тому же Ли Мэн никогда не приглядывался к обуви заговорщиков — у половины из них, как и у

Чжао Лои, были самые обычные чёрные кожаные сапоги. Стоило ему на мгновение отвлечься, как пальцы соскользнули, и он едва не рухнул на землю.

Тяжёлые деревянные колёса со скрипом стронулись с места.

От напряжения пальцы пронзила острая боль. Не зря говорят, что раны на руках — самые болезненные: Ли Мэн сорвал ногти, из-под них выступили капли крови, и каждое движение отзывалось ноющей судорогой во всём теле.

Сверху донёлся дребезжащий, старческий голос Чай Цзиня:

— Прошу.

В его тоне сквозили холодное недоверие и настороженность. Раздался стук шагов по ступенькам подножки. Ли Мэн затаил дыхание, стараясь ничем себя не выдать, и поудобнее перехватил балки, просунув пальцы в узкие щели каркаса.

Пусть за месяцы упорных тренировок он и не превратился в непобедимого мастера, регулярные занятия принесли свои плоды. Мышцы налились силой, и теперь, когда он висел под мчащейся каретой, его руки почти не затекали. В прежние времена, когда он бездельничал в Линьчжоу вместе со старшим братом Шуфэном, о подобной выносливости он не мог и мечтать.

Из-под копыт летела едкая пыль, забивая ноздри. Ли Мэн невольно приоткрыл рот, чувствуя, как в носу начинает нестерпимо щекотать. Чихнуть сейчас означало выдать себя с потрохами. Он судорожно зажал рот и стиснул зубы, борясь с подступающим приступом.

Отчаянно напрягшись, он сжал пальцы ног так, словно пытался пробить ими подошвы сапог. Каждая мышца его тела превратилась в натянутую струну. Ему стоило невероятных усилий сдержать этот предательский чих.

Внутри кареты царило угрюмое молчание.

Чжао Лои, до этого сидевший с закрытыми глазами, открыл глаза. В его взгляде читалось полное равнодушие к происходящему.

Сидевший напротив Чай Цзинь невольно поёжился под этим пронизывающим взглядом. Лицо старика напряглось, а морщины у губ прорезались ещё глубже.

— Всё хотел спросить, дядя Чай, — негромко нарушил тишину Чжао Лои, — и давно вы спелись

с Павильоном Сулинь?

В карете также ехали Чжу Тянь и Книжник. Чжу Тянь вытаращил свои бычьи глазищи и, не будь у него рассечён язык, наверняка разразился бы бранью, обвиняя Чжао Лои во лжи.

Книжник же сидел смирно, держась подчёркнуто отстранённо. Его причёска была волосок к волоску, поза — безупречно прямая, и лишь то, как он мерно теребил складку на халате, выдавало его волнение.

— Цюнци, я до сих пор выказывал тебе уважение, — процедил сквозь зубы Чай Цзинь, понизив голос. — Не переходи черту. Подумай о том, что нам ещё придётся встретиться.

Чжао Лои холодно усмехнулся:

— Неужели вы и впрямь думаете, дядя Чай, что у нас будет это «позже»?

Чай Цзинь переменился в лице, но, помня о присутствии спутников, смолчал. Ещё там, в «Обители у источника», Чжао Лои вскользь упомянул о скрытых богатствах Башни, и этих слов вполне хватило, чтобы посеять семена раздора среди заговорщиков.

Чжу Тянь, будучи неотёсанным громилой, пропустил всё мимо ушей, но Книжник наверняка смекнул, к чему клонит глава Башни. Жажда наживы губит и людей, и птиц. Чай Цзинь понимал это и теперь боялся сделать неверный шаг.

Тем временем болтавшийся под днищем Ли Мэн тщетно пытался запомнить дорогу. Перед глазами мелькала лишь грязная колея, руки и ноги затекли до бесчувствия, а рот был полон дорожной пыли. От бессилия и злости ему хотелось выть.

Вдруг его прошиб холодный пот: он ведь не оставлял никаких знаков по пути! Даже если Цюй Линьхань отыщет шишу, как они придут на выручку? Оставалось уповать лишь на то, что Башня давно выследила логово мятежников. Хотя верилось в это с трудом — знай они точный адрес, давно бы вырезали всех под корень, не устраивая долгих представлений.

Колёса наконец замерли. Доски, к которым Ли Мэн прижимался лицом, мелко задрожали, и сверху послышался глухой стук спрыгивающих на землю людей.

Когда пассажиры разошлись, возницы загнали экипажи в просторный пустой двор. Ли Мэн понимал: когда начнут распрягать лошадей, его обнаружат в два счёта. Силы были на исходе, пальцы судорожно сводило. Рядом послышались шаги — судя по звуку, во дворе оставалось двое.

С двумя конюхами он бы, пожалуй, справился, но рисковать не хотелось. Ему ещё никогда не приходилось действовать в одиночку, без надёжного плеча Чжао Лои.

Он притаился, надеясь перехватить хоть пару слов, но возницы молчали. Вскоре их шаги затихли — судя по всему, они повели лошадей к стойлам, которые располагались в глубине усадьбы.

Как только они скрылись из виду, уводя оставшихся коней, Ли Мэн осторожно опустил ноги на землю. Когда он разжал пальцы, руки пронзила невыносимая судорога. Сцепив зубы от боли, он боком проскользнул в тень ближайшей пристройки. Лезть на крышу прямо здесь было безумием — его бы сразу заметили.

Вдруг из-за угла донеслись голоса. Сердце Ли Мэна испуганно ёкнуло. Нащупав позади себя приоткрытую дверь какой-то каморки, он бесшумно скользнул внутрь и притворил её за собой.

Через мутные стёкла оконца проплыли два силуэта.

— Раз уж сам великий герой Кань согласился помочь, делёжки не избежать, — донёсся приглушённый голос одного из конюхов. — Старик Чай пошёл ва-банк, раз привлёк чужака к нашим делам.

— Помалкивай лучше, — осадил его приятель. — Наше дело телячье: сыты — и ладно. Если сейчас начнётся заваруха, держись от греха подальше. Попадёшься под горячую руку Цюнцзи — костей не соберёшь. Спрячемся где-нибудь в уголке и посмотрим на представление издалека.

— Ну ты и трус!

— А сам-то? Небось первый побежишь прятаться.

— Хе-хе, я уже присмотрел местечко. Ни одна живая душа не найдёт. Иди за мной.

— Надо же, а я думал, у тебя в голове опилки...

Голоса затихли вдали, но Ли Мэн успел ухватиться за имя: «великий герой Кань».

За время своих странствий он частенько слышал об этом человеке. Кань Юньсин был вольным странником, чьи подвиги на трактах давно превратились в досужие легенды. Нередко он вмешивался в распри крупных кланов и школ, когда те принимались делить имущество, и всегда выступал на стороне тех, кто его нанимал. Из-за этого поговаривали, будто знаменитый меченосец — обычный наёмник, падкий до золота, однако злые языки быстро прикусили рты, когда выяснилось, что Кань Юньсин баснословно богат и едва ли нуждается в монетах.

Впрочем, мальчик никогда особо не верил слухам.

И всё же появление такого человека в делах Башни Десяти Направлений казалось невероятным. Для любого приличного воина Башня была синонимом верной гибели, и совать нос в её дела не решился бы ни один безумец. Раз уж этот герой Кань отважился прийти, значит, он был абсолютно уверен в своём мастерстве.

Сердце Ли Мэна сжалось от тревоги. Скрывая дыхание и ступая как можно тише, он выбрался из каморки и в несколько бесшумных прыжков взлетел на черепичную крышу.

Отсюда усадьба была видна как на ладони. Лишь в одном дворе ярко горели факелы. Стараясь не шуметь, он пополз по скату крыши в ту сторону, молясь про себя, чтобы Чжао Лои ещё не успел обнажить оружие.

В спешке он наступил на скользкий, покрытый мхом участок черепицы. Нога поехала, тело по инерции устремилось вперёд, и Ли Мэн едва не кувыркнулся вниз, беззвучно разинув рот от ужаса.

Внизу, в кольце факелов, стояли десятки вооружённых людей. В самом центре Чай Цзинь о чём-то спорил с высоким мужчиной. Вдруг старик резко повернул голову в сторону крыши.

В это мгновение кто-то крепко вцепился Ли Мэну в плечо. Незнакомец с силой рванул его за шкирку назад, уберегая от падения.

Мальчик судорожно выдохнул. Сердце, готовое выскочить из груди, медленно вернулось в привычный ритм.

Оба они ничком распластались по черепице. Ли Мэн скосил глаза: спасший его парень был ему совершенно не знаком. Убедившись, что малец не скатится вниз, незнакомец убрал руку и вновь припал к коньку крыши, пристально разглядывая происходящее во дворе.

Очевидно, этот незванный гость тоже явился сюда ради зрелища.

Тусклый свет факелов озарял его благородное лицо: бледная, почти фарфоровая кожа, резко очерченные брови над глубоко посаженными, миндалевидными глазами. Даже в профиль чувствовалось, насколько сосредоточен его взгляд. Нос его был задорно вздёрнут, а губы плотно сжаты, выдавая крайнюю серьёзность.

Немного переведя дух, Ли Мэн осторожно подполз поближе к незнакомцу. Теперь они наблюдали за двором в четыре глаза.

— Ты ещё кто такой? — шёпотом спросил Ли Мэн, стараясь придать своему голосу побольше важности.

Парень даже не повернул головы. Он молча пристроил на коньке крыши изящный, туго натянутый самострел.

— Стой... — Ли Мэн перехватил его руку, когда тот потянулся к колчану.

Незнакомец наконец удостоил его коротким взглядом и раздражённо прошипел:

— Не лезь под руку!

— Если выстрелишь, поднимешь шум! — едва сдерживая крик, возразил Ли Мэн. — Мой учитель там, внизу. Ты сорвёшь ему всю игру! Ты что, тоже из Башни?

— Нет, — коротко бросил тот. Силы ему было не занимать: он легко высвободил руку из хватки мальчика, но стрелять не торопился. Он с интересом посмотрел на Ли Мэна и спросил: — Который из них твой учитель? Так и быть, постараюсь его не задеть.

Ли Мэн указал на дальний конец двора, где стояли мятежники из Башни. Большинство лиц были ему знакомы. Но среди них выделялся один — необычайно рослый мужчина, который держался особняком рядом с предводителем. Ли Мэн его не знал, но сразу догадался, что это и есть тот самый грозный Кань Юньсин.

— А зрение у тебя как, не подкачает? С такого расстояния лица разберёшь?

— Обижаешь. Я лучший стрелок на сотню ли в округе, — хмыкнул незнакомец. Напряжение покинуло его голос, сменившись ленивой уверенностью.

— Видишь того, с глубоким шрамом над левой бровью? Он стоит чуть левее старика Чая и как раз собрался что-то сказать, — Ли Мэн интуитивно чувствовал, что этот лучник ему не враг. Скорее всего, у него здесь свои счёты с кем-то из бунтовщиков. Если во дворе поднимется переполох, Чжао Лои без труда разберётся с остальными.

— Цюнцзи... — протянул незнакомец, тонко улыбнувшись. Он впервые по-настоящему посмотрел на мальчика. — Надо же, так ты его ученик?

Смутившись из-за своего недавнего неловкого скольжения по крыше, Ли Мэн неловко почесал затылок:

— Ну, я ещё только начинаю. Учитель тут ни при чём, он мастер хоть куда.

— А я ничего и не говорю, — парень вернулся к прицеливанию.

— Как ты его так сразу признал? — изнемогая от любопытства, прошептал Ли Мэн, придвигаясь ближе.

— Такую отметину на руке, у самого большого пальца, ни с чем не спутаешь. Второго такого клейма в Поднебесной нет.

Теперь Ли Мэн окончательно поверил, что его новый знакомый видит как орёл. Сам он с такого расстояния едва различал силуэты, а уж разглядеть татуировку на руке учителя и вовсе не надеялся.

— Тебя как звать-то? — спросил Ли Мэн. Судя по всему, внизу пока дракой не пахло: заговорщики продолжали препираться.

— Тан Сюй.

На этот раз незнакомец ответил без неохоты.

Ли Мэн приободрился:

— А я — Ли Мэн.

Тан Сюй лишь неопределённо хмыкнул, давая понять, что имя собеседника его мало волнует, и плавно вытянул из колчана короткий болт.

— Так в кого ты целишься? Слушай, как закончишь, не убегай сразу... — Ли Мэн не успел договорить. Холодное стальное остриё повернулось прямо к его правому глазу. Морозный блеск наконечника заставил мальчика мгновенно прикусить язык.

Убедившись, что болтун утихомирился, Тан Сюй спокойно вернул болт на ложе самострела и взвёл тетиву.

Впрочем, тишина длилась недолго. Уже через минуту Ли Мэн снова зашептал ему на ухо:

— Ладно тебе, не пугай. Знаю же, что не выстрелишь.

— Да неужели? А по-моему, ты только что едва не наложил в штаны, — язвительно бросил Тан Сюй.

— Ещё бы! Одно неловкое движение, и остался бы я кривым. У меня и так зрение не как у тебя, а тут ещё без глаза остаться! К тому же у тебя самострел однозарядный, кустарный. С таким оружием идут на конкретную цель, а не устраивают бойню. Верно говорю?

— Тем более — закрой рот.

— Да ладно тебе, они там внизу ещё долго языками чесать будут. Слушай, раз уж мы встретились — это судьба. Помоги мне, а я в долгу не останусь. Серебром отплачу, — Ли Мэн принялся лихорадочно подсчитывать в уме, сколько монет обычно водится в кошелье Чжао Лои.

— И сколько дашь? — Тан Сюй лениво приподнял бровь, и в его голосе проскользнул неподдельный интерес.

«И кто только выдумал, что лесные братья презирают презренное золото?» — усмехнулся про себя мальчик. Закон жизни прост: птица гибнет за корм, а человек — за монету.

— Назови свою цену, — хитро прищурился Ли Мэн.

— Пятьдесят лянов за голову, — бесстрастно уронил Тан Сюй. Он даже не повернулся, продолжая взглядом пересчитывать стоящих внизу заговорщиков.

— Побойся неба, они же все мастера своего дела! — усомнился Ли Мэн. Из такой игрушки много не настреляешь: сделаешь первый выстрел, а ко второму тебя уже на куски порежут. — Да и пятьдесят лянов — это грабёж! Мне не нужно, чтобы ты их убивал. Просто выведи из строя, чтобы под ногами не путались.

— Мои услуги стоят гораздо дороже, — холодно отозвался Тан Сюй, положив руку на спусковой крючок. — Но так и быть: если без смертоубийства — соглашусь на двадцать лянов за каждого. И это моя крайняя цена.

— Ты что, наёмный убийца?

Тан Сюй лукаво прищурился. Он по-доброму улыбнулся, и Ли Мэн невольно залюбовался им. Парень был чертовски хорош собой и меньше всего походил на хладнокровного наёмника — скорее на праздного столичного повесу. Чем-то он напоминал Хо Ляньюня, но если от Второго брата веяло благородным величием, то от Тан Сюя — бесшабашным задором человека, который знает толк в удовольствиях.

— Ошибаешься, я не из этих, — тихо рассмеялся Тан Сюй. — Но в этой толпе прячется моя добыча. И раз уж я напал на след, уйти ему не суждено.

Договорить он не успел. Взгляд его внезапно стал острым, как бритва. Без малейшего предупреждения он спустил курок.

В ту же секунду снизу, из гущи толпы, донёсся пронзительный вопль боли.

Стрела вонзилась точно в того рослого незнакомца, чья фигура так заинтересовала Ли Мэна. Тан Сюй хищно прищурился и, обернувшись к мальчику, с невозмутимой улыбкой спросил:

— Ну что, скольких мне пристроить?

— Сколько сможешь! — выдохнул Ли Мэн. Быстро наметив путь отхода, он ухватился за свисающий громоотвод и заскользил вниз. Уже у самой земли он крикнул, задрав голову: — Счёт предъявишь в Башне Десяти Направлений!

Тан Сюй поднялся в полный рост. Ветер яростно трепал полы его тёмно-красного халата. Он лениво размял шею, которая отозвалась сухим хрустом, пошевелил затёкшими пальцами и привычным, отточенным движением выхватил из-за спины парные клинки, хищно блеснувшие в свете факелов.

<http://bllate.org/book/18266/1793142>